

Немая судьба. Эхо войны

Сборник рассказов

Георгий КАЮРОВ

Георгий Каюров
Немая судьба. Эхо войны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каюров Г. А.

Немая судьба. Эхо войны / Г. А. Каюров — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Сборник рассказов о судьбах ветеранов Великой Отечественной войны. Как сложились их жизни, судьбы их родственников и что они нам завещали?

© Каюров Г. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Краб
Рассказ

Приятель, перебравшийся с семьёй в Америку, попросил меня разыскать могилу его предка, похороненного ещё в тринадцатом году. Я бродил по городскому кладбищу, рассматривая надписи на могильных плитах. Слух уловил тяжёлый, грудной рык, заставивший оглядеться по сторонам, но я ничего не приметил. Рык повторился – в этот раз удалось ухватить, откуда он доносился. Особо не раздумывая, направился на пробудивший любопытство звук, посматривая вокруг в поисках того, кто бы мог его издавать. Неожиданно рык раздался совсем близко. Справа от меня, наполовину скрытый небольшим постаментом, склонив голову почти к коленям, сидел крупный мужчина и содрогался всей спиной. Одним локтём он опирался на небольшой столик, на котором стояли початая бутылка водки и гранёный стакан с налитой на треть прозрачной жидкостью. Я взял бутылку и подсел к нему, протягивая стакан. Мужчина принял его, почти не поднимая головы, но я успел разглядеть его большие, сосудистые глаза. Он стукнул стаканом по бутылке и залпом выпил.

– Фёдор Игнатъевич, – возвращая стакан, представился он, и на меня посмотрели залитые слезами красные глаза.

– Юрий, – представился и я, плеснув себе немного спиртного.

– Батя мой, – едва сдерживая новый приступ рыка, произнёс мужчина, по-своему истолковав мою медлительность.

– За светлую память о нём, – сказал я и выпил.

– Память... – с досадой проговорил Фёдор Игнатъевич и, схватив лежащий рядом свежесрубленный сук, переломил его пополам. – Посмотри, какая липа толстенная! Я срубаю её, а она снова отрастает. Один год я каждый день приходил. Решил, буду рубать на ростке, но добыюсь своего и изведу. Пока ходил, не росла. Думал, всё, покончено. Прихожу на годовщину батю проведать, а она снова стоит. И когда только успевает силу набрать?

– Может, оставить, пусть растёт? – предположил я.

– Как оставить? Она же растёт прямо в изголовье.

С кладбища мы с Фёдором Игнатъевичем уходили вместе. Он слегка прихрамывал, но шёл бодро.

– Ты кем работаешь? – неожиданно поинтересовался новый знакомый.

– Я писатель?

– Писатель? – с недоверием переспросил Фёдор Игнатъевич и схватил меня за плечи. – Хочешь, я тебе про своего батю расскажу?

– Расскажите, – согласился я.

Собеседник оказался запальчивым рассказчиком – говорил вкусно.

– Поехали ко мне, – переполняемый восторгом, предложил Фёдор Игнатъевич. – Я живу один. Супруга год как умерла. Дети живут отдельно. Гостей не жду. Так что нам никто не помешает.

Мы устроились на кухне. Фёдор Игнатъевич насыпал в пузатый заварник чаю, залил кипятком и накрыл вчетверо сложенным полотенцем.

– Пусть заваривается, – подмигнул мне и, не откладывая, приступил к рассказу. – Мой батя всю войну прошёл. С самого первого дня. В феврале сорок пятого получили на него похоронку. Я тогда мальцом был. Мать только взглянула на жёлтый листок, как вкопанная замерла, глаза выпучила, тяжело задышала, а потом вмиг стихла и говорит: «Жив. Забирай обратно» – и вернула почтальону. Ещё соседка наша, Павлючиха, запричитала: «Как бы не тронулась». Э-эх! – Фёдор Игнатъевич с силой сжал кулаки. – Наши люди умеют поддержать. В общем, и правда, в апреле получаем письмо. Детским таким почерком написано: приезжайте, ваш муж жив, только надо его забрать, сам не доедет. Мы всей семьёй поехали. Долго добирались. В какой город приехали, сказать не могу, врать не буду. Когда это было?! Всего не упомнишь.

Пятьдесят лет как отца нет, а он ещё почти двенадцать пожил после войны. Хорошо помню, был это большой, объединённый госпиталь. Со всех фронтов туда свозили раненых. Встретили нас хорошо. Разместили при госпитале. Мать подметила что-то и нам, ребяташкам, говорит: «Прямо не смотрят, всё исподлобья на нас поглядывают или искоса, навроде стыдятся за что-то». Нам-то, ребяташкам, всё равно. Мы встречи с батей ждём. Сестрички обходительные: сахару надавали, а одна даже разрыдалась. Потом выяснили: она и писала письмо. Привели нас в палату. Глядим: батя лежит. Такой смиренный, в потолок глядит. Мне тогда почему-то сразу показалось: какой-то он странный, может, контуженный. Ещё про себя подумал: если малахольный стал, этого нам только не хватало. У Серёги отец тоже вернулся с фронта тяжело раненный, но у того на груди три медали, два ордена. Бригадиром его сделали. А наш лежит – ни гимнастёрки, ни орденов не видно, во всём белом. Думаю, что это за герой? Мысли у меня были такие. Даже не подозревал, всё куда хуже обстоит. Как сейчас помню: он лежал в самом дальнем углу палаты и улыбался, а взгляд светлый-светлый. Как будто не он раненый, а мы к нему раненые приехали. Через ряды коек пробираемся, мать нас вперёд подталкивает, а он глядит, улыбается и говорит матери моей, ну, своей жене: «Вам чего, гражданочка?» Вроде не узнаёт или признать не хочет.

Мать к нему кинулась. Плачет. Медсёстры вокруг тоже плачут. Раненые недоумённо смотрят, плечами пожимают, переглядываются. Мамка ему: «Игнат, Игнатушка». Он снова в ответ: «Вам чего, гражданочка? Вы ошиблись. Я не ваш Игнат».

Тут уже мы, дети, давай плакать: папка от нас отказывается. Вглядываемся, вроде похож, а вроде и нет. Я его только по фронтовой карточке помню. Он уходил на фронт – мне и трёх не было. Скажу тебе – война людей добре меняет. Мать на груди у него лежит, жмётся к нему, а он даже не погладит её. Обидно мне за мать стало. Аж возненавидел его!

Фёдор Игнатьевич умолк, обхватил лицо ладонями и скрежеща зубами, и с силой сделал глоток пересошим горлом. Уняв эмоции, он обтёр жменями глаза и продолжил:

– Нас притянула и хочет, чтобы он потрогал, чтобы таким образом вспомнил детей своих. Батя даже не пошевелился и всё твердит: «Нет у меня никаких детей». Она думала, наверно, контузией память отшибло. Руки его хватает, а не находит. Откинула одеяло, может: прячет их – и тут всё открылось. У бати не было ни рук, ни ног. Понимаешь, он в войну сапёром был. Вот и подорвался на противотанковой mine. Это же надо было такому случиться перед самым концом войны! Всю войну без царапинки прошёл, а перед самым концом... В общем, похоронку поспешили выслать, а врачи взяли и сшили его на авось. Выживет – так тому и быть, а помрёт – война спишет. Только конечности пришлось ампутировать. Батя крепкий был – возьми и выжил. Мать давай ещё сильнее рыдать. Схватила батю и давай тискать, прижиматься к нему, а он всё твердит: «Гражданочка, вы ошиблись. Я не ваш супруг». Головой мотыляет, всем улыбается и всё твердит: «Люди добрые, это не моя жена. Не было у меня никогда жены. Ни жены, ни родителей, ни детей, сирота я».

Месяц мы жили в госпитале, а он стоит на своём: нет у него жены, он не наш отец и не муж мамки нашей. Кто его только ни уговаривал, чтобы признался, а он ни в какую. Мать столько слёз выплакала. Раненые уже начали его стыдить. Главврач на беседу забирал к себе в кабинет, а он ни в какую – и всё тут. Второй месяц пошёл. Деньги кончились. Нас с матерью трое приехало. Ещё домой возвращаться. Дорога дальняя. Уже мы, дети, стали сомневаться и матери говорить: «Может не он? Не хочет ехать, пусть остаётся!». Мать тоже не сдаётся: «Наш батяка. Домой все вместе поедет. Погодите чуток. Надо, чтобы обвыкся. Война никого не красит». Сама прячет в платок заплаканные глаза.

В один день главврач нас к себе приглашает. Привозят и батю. «Ну вот что, Игнат Пантелеевич, – главврач говорит, – раз это не твоя семья, тогда, значит, выгоняю их из госпиталя. Кормить больше не стану. Но если твоя, то выделю денег на дорогу и на всех паёк дам». Мать

снова давай рыдать. Едва на ногах стоит. Батю по волосам гладит, свои слёзы с его щёк вытирает. Ну, тут батя и сдался.

«Моя, – говорит, не удержался: давай плакать. – Зачем я тебе такой? Найдёшь мужика. Я ни к чему не способный. Ни ног, ни рук, какой с меня кормилец?»

Мать его на руки подхватила и давай тискать. Все плачем. В общем, снарядили нас в дорогу. Всем госпиталем провожали. Главврач слово сдержал: выделил паёк, денег дал на дорогу. Люди скинулись, кто чем помог. Посадили нас в полуполторку и отвезли на вокзал.

Прибыли мы на нашу станцию, а до городка, в котором жили, ещё семь километров пешком. Подвод нет. Мы войсковым приехали. Не по расписанию машинист остановился, чтобы нас высадить. Никто никого не встречает. Мать батю на спину посадила, платком обвязала – и пошли домой. Так и зажили.

– Заварился, – хозяин сделал паузу и, пока переводил дыхание, разлил заварку по чашкам. Разговор складывался для него непростой, но видно было – он нуждался в том, чтобы рассказать кому-то всё накопившееся за эти годы. – Ты понимаешь, зачем я тебе рассказываю? Ты же писатель! Кто, если не ты, напишет о моём бате?

– О войне много написано, – попытался возразить я.

– Это не о войне, – в сердцах выпалил собеседник. – Сам знаю: о войне написано и переписано. Да и не к чему тебе о войне писать. О человеке надо написать. О простом труженике, семьянине, защитнике.

– Это можно, – неуверенно согласился я: не спеша разочаровывать хозяина. – О простых тружениках тоже написано и переписано.

– Ты подожди отказываться, – взволнованно заговорил Фёдор Игнатьевич. –пей чай, а я буду рассказывать. О моём бате надо написать. На чём я остановился? Так вот, с первых дней, как батя оказался дома, он стал с нашим кузнецом, цыганом, подолгу переговариваться. Уединятся за ширмой и всё что-то чертят и обсуждают. Потом цыган на два-три дня исчезнет, а придёт – снова подолгу обсуждают. И всё потихоньку, тайком от нас, домашних. Не помню, сколько это продолжалось, но как-то пришёл цыган довольный, светится, словно вычищенный чугунок. В руках держит два мешка, набитых какими-то железяками.

Вынесли нашего батю в огород, и стал цыган вынимать из мешка всякие причудливые приспособления, обвязанные ремешками. Одно достанет и бате на культю ноги наденет и ремешками пристегнёт к пояснице. Мы с сестрой и братом смотрим, а батя встал на эти приспособления. Покачивается, но стоит. В общем, они с кузнецом придумали специальные инструменты. Ну, знаешь, лопату, мотыгу, грабли, что-то ещё было, и там топор, и вилы. Целый арсенал. Он у меня до сих пор хранится. И стал наш батя в огороде работать. Мать подвывает к культуям необходимый ему инструмент и уходит на работу, а батя выползает в огород и работает. Поначалу часто падал. Еле-еле поднимется и снова давай копать. Потом приловчился и так здорово орудовал. Культю в кровь разбивал. Мать на обед прибежит, перебинтует, другой инструмент подвывает, и батя снова в огород. Мать в слезах убегает на работу, а мы дети наблюдаем. Смешно было смотреть, как батя мается в огороде. Он позовёт кого-то из нас – помочь перенести то, другое. Мы бегом помогаем и что есть прыти в дом прячемся. Стыдно нам было. Люди посмеивались. Хоть и прятали улыбки, но мы замечали.

Весь посёлок говорил о нашем бате. Сверстники смеялись над нами и зло шутили, поначалу за глаза, а затем всё чаще и чаще в глаза. Мирная жизнь налаживалась. Человек быстро забывает горе, а к чужому – всегда глух. Мы, дети, стали зло зыркать в сторону бати. Мать часто приходила в слезах, и родители подолгу за ширмой выясняли отношения. На коленях просила его не выходить на улицу в этих грозных железяках. Батя молча выслушивал, что-то тихо возражал, успокаивал мать, а утром всё сызнова. Мать подвывала ему на культю лопату, на другие культю – костыли и он выползал в огород. Мы тоже пытались не пускать его: загоразивали дорогу, закрывали двери на ключ, а он вылезал в окно и всё равно полз работать. Пока были

маленькие, он ругался на нас. Когда подросли, ему уже тяжелее было с нами справиться, так он приловчился и бил нас своими железными культами. Так ловко орудовал ими – больно было!

Вся семья выслушивала от соседей всякие злые и нелепые шуточки. Больше всех доставалось матери. Над ней особо ядовито подтрунивали мужики. Мы не знали, доходили ли слухи до бати и то, как его называют в посёлке. Весь посёлок быстро окрестил его. У нас люди по части навешивания ярлыков мастаки!

Как-то я пришёл в школу, в тот год заканчивал десятый класс, прохожу мимо учителей и слышу – мне в спину тихо говорят: «Вон идет сын того-то», – и обидной кличкой бату называют. Мне так обидно стало, до слёз, разворачиваюсь – и домой. Решил – убью. Пусть меня посадят, но спасу семью от позора. Вбегаю в родительскую комнату, а батя на полу сидит и пытается ртом завязать на культе топор, мучается страшно. Мать с утра плакала, упрашивала его не выходить на улицу и наотрез отказалась ему топор пристёгивать. Мы тоже не понимали, зачем все эти жертвы? Он дождался, пока все ушли из дому, и сам решил всё сделать. Понимаешь, с вечера привезли пять кубов дров, вот он и решил наколоть. Тут я вбегаю и давай на него орать. Как сейчас помню, кричу: ты знаешь, как тебя называют? Ты знаешь? И правду-матку ему в глаза, так-то! У меня не отец, а... и снова правду-матку, так-то! Нас называют детьми такого-то! Ору на весь дом. Ненавижу тебя! Чтобы ты сдох! А он только головой покачивает. Я наорался, трясусь весь, а он поднял на меня полные слёз глаза, смотрит таким светлым взглядом – даже слёзы искрятся – и тихо так говорит: «Сынок, помоги мне завязать». Всю жизнь живу с этим взглядом перед глазами, – Фёдор Игнатьевич замолчал, и я почувствовал, с какой неимоверной силищей он давил в себе рыдания.

– Я тогда схватил все его железяки, – переведя дыхание, продолжил он, – побросал в мешок – и на речку. Там и утопил.

Вскорости батя умер. Умер во сне. Бабы на похоронах говорили, мол, повезло – не мучился. Что у нас за люди? Как не мучился? Попробуй походить в этих железяках? А он в них работал, семью кормил. Представляешь, огород вскапывал! В общем, уснул и больше не проснулся. Весь посёлок собрался проводить его. Приехали из районного военкомата солдаты. Какой-то полковник оркестр привёз. Мать достала батины награды. Стали солдатам раздавать, чтобы несли перед гробом – не хватило солдат. Оказалось у моего бати наград уйма. Мы, дети, впервые видели столько наград. Больше, чем у отца соседского Серёги, которому я завидовал. Выстроились люди, чтобы принять награду и нести с почётом. У многих были в руках батины медали, ордена. Оказывается, мой батя был в особых списках нашего военкомата, как геройски воевавший. Идёт процессия, солдаты с винтовками. Когда гроб опускали, салютовали трижды.

Фёдор Игнатьевич умолк и уставился на меня. Я молча смотрел на собеседника, не находя слов.

– Ты не думай, – беря меня за руку, продолжил: – Мы ему гроб в полный рост сделали. Как был у него рост метр восемьдесят, так мы ему рост в рост. Я даже пиджак его потихоньку от матери приколотил гвоздиками к доскам. Думаю, понесут, а он сдвинется – ног же нет. Уже когда закопали, то люди подходили и на холм клали награды. Представляешь, вся могила была выложена наградами. Вот какой у меня был геройский батя.

Мой собеседник надолго замолчал, погружённый в воспоминания. Я тоже не спешил нарушать тишины, потрясённый судьбой человека.

– Ну, – неожиданно обратился ко мне Фёдор Игнатьевич, – какой я тебе подкинул материал? Напишешь?

– Как его называли? – пожимая плечами, поинтересовался я.

– Кого? – сразу не понял мужчина.

– Батю вашего.

– Краб.

– Ка-ак? – я пристально посмотрел на обескураженного вопросом собеседника.

– Краб, – одними губами проговорил Фёдор Игнатьевич, сотрясаясь от накатившего нового приступа. Слезы хлынули у него ручьями. Он повалился на стол и, не скрывая чувств, разрыдался. Я не мешал ему – самому было о чём подумать.

– Цыган ему сделал приспособления небольшие, – не поднимая головы, заговорил хозяин, – чтобы сподручнее держать равновесие. И когда батя передвигался, то опирался на все четыре культы. Как бы тебе объяснить? Представь: к одной культе руки пристёгнута сапа, к другой – скребок, чтобы с лопаты счищать налипшую землю; к ноге – лопата, а к другой – костыль. И вот всё это передвигается. Со стороны смешно было глядеть, и правда, казалось, словно краб бежит.

Фёдор Игнатьевич, снова захлебнулся слезами. Давя приступ, пытался продолжить рассказ, но только потрясал кулаком и скрежетал зубами. Наконец ему удалось справиться.

– Ты знаешь, если бы не батя, мы бы в голод умерли. С сорок шестого по сорок седьмой сильный голод был, а батя мой с самого утра в огороде: копает, сажает, сеет. Всё, что могло вырасти, он сажал и сеял. Каждый день обрабатывал землю. По всей округе, по всем полям носился, собирал, где что найдёт. Десять колосков найдёт, да что там десять, один колосок – так он ни одному зёрнышку не даст пропасть. Всё соберёт. Всё в дом, чтобы семью прокормить и не дать погибнуть. Сильные семьи поумерали. Мужики здоровенные не выдерживали и с голоду валились в снег, а мой батя носился с утра до поздней ночи. У нас за домом стояла тачка с навозом. Так он, знаешь что придумал? Зимой работы же нет в огороде, приспособил в погребу эту тачку и выращивал грибы. Нашими грибами вся улица кормилась.

Фёдор Игнатьевич снова замолчал, потрясая уже двумя кулаками, и с силой обрушил их на стол.

– Как это понять? Вся улица кормилась, а они его – Краб!

– Можно инструменты посмотреть? – я поймал себя на ощущении дикой потребности увидеть орудия труда этого человека.

Фёдор Игнатьевич словно ждал этого. Резво подскочил и скрылся в коридоре. Послышалось глухое бряканье кованого железа об паркет. Хозяин внёс на кухню два мешка и стал выкладывать прямо на стол.

– Вот они, все до одного. Я их потом из речки достал, чтобы память о бате осталась. Вычистил. Цыган у нас был кузнец, что надо. Дело своё добре знал. Гляди, какой инструмент! Ты же знаешь, кованое железо ржа не берёт! У меня и батя был такой – настоящий русский мужик – кованный – ржа его не брала!

Жучка

Рассказ

Последние несколько лет Панкрат Лукич девятого мая надевал старенькую выцветшую гимнастёрку, на которую были прицеплены две медали и орден Красной Звезды, и садился на лавочке у своего двора. Затем отстёгивал от левого колена новенький деревянный протез, прятал его за лавкой и только потом надевал пилотку. Из нагрудного кармана доставал пожелтевшую карточку с потрёпанными от времени краями.

Всё это мне предстояло увидеть лично и познакомиться с ветераном, а пока за окнами автомобиля проплывали изумительные пейзажи Молдавии – ехал в обычную творческую командировку.

На юге Молдавии я бываю часто: собираю материалы о нравах и традициях жителей Бессарабии. Встречают всегда доброжелательно. Так было и в этот раз. Председатель сельсовета прикрепил ко мне общительную, (я бы даже сказал чересчур) свою сотрудницу Меланью Дмитриевну. За полдня мы с ней успели посетить несколько семей, где были старики старше девяноста, помнившие много интересного. Выслушав уникальные свидетельства и всё скрупу-

лезно записав, я готов был отправиться в обратную дорогу. Возвращаясь к сельсовету, Меланья Дмитриевна развлекала меня деревенскими сплетнями.

– Желималайка! Доброго дня! – неожиданно выкрикнула моя спутница, когда мы поравнялись со странным стариком, с описания которого я начал рассказ. Тот только помахал в ответ какой-то пожелтевшей бумажкой и по-детски прищурился в улыбке.

– Кто это? – поинтересовался я.

– А-а, наш ветеран, – помахав в ответ рукой, пояснила женщина.

– Что за странное прозвище – Желималайка? – мне что-то подсказывало: нельзя обойти вниманием этого старика, как выяснилось, ветерана Великой Отечественной войны.

– Такая у него фамилия – Желималай, – охотно пояснила женщина. – То ли турецкая, то ли гагаузская, бог его знает. Хотя всё одно и то же.

– Семья у него есть?

– Была. Вдовый он, – останавливаясь и глядя на старика, отвечала моя провожатая. – Дочка с зятем живут у вас в столице. Все Желималай. И внучка, Оксанка Желималай, работает где-то в банке, кассиром, что ли? Не знаю точно.

– Как же фамилия зятю перешла? – удивился я.

– Попробовал бы не взять, – больше выдав мысли вслух, проговорила женщина, а для меня пояснила: – Дочка у Желималайки баба что надо. Всё у неё в кулаке, в бабку Лукерью, мать Желималайки, пошла характером и нравом, – с гордостью за весь женский род с охотой рассказывала женщина. – Её, старый Желималай, отец Панкрата, откуда-то из Сибири привёз – настоящая была русская баба, – и уже с лукавинкой в глазах тише добавила: – Да у Славки фамилия была не звучная, не совсем мужская – Попа. Лучше уж Желималай.

– А где он воевал? – меня стала занимать судьба старика, сидящего напротив и словно нас не замечающего.

– Да какой он вояка?! – с иронией продолжала женщина. – Две медальки и орден весь ошколуपालся. Вон у нас ветераны: как покажут по телевизору, вся грудь в медалях и орденах, места свободного не найти. На солнце сияют, как новогодние ёлки, – протараторила Меланья Дмитриевна и тут же прокричала ветерану: – Костыль новый надел?

Тот снова смешно скривившись заулыбался и немо закачал головой, помахивая всё той же бумагой.

– Не только фамилия – и сам странный человек, – с иронией в голосе усмехнулась моя спутница. – Сделал пять лет назад новый костыль и только раз в году, на праздник, надевает, а круглый год ходит в стоптанном, старом.

– Вы пока ступайте, – мне не хотелось больше слушать хоть и забавную, но всё-таки вздорную бабу. – Я дорогу найду.

– Желималайка! Встречай! К тебе гости! – убегая, прокричала женщина. – Писатель из Кишинёва!

– Ступайте! – с лёгким раздражением выпроводил я помощницу.

Известие о том, что к нему идёт писатель, ободрило ветерана: он приосанился и уже не сводил с меня прищуренных глаз.

– Можно? – показал я рукой на свободный край лавочки.

– Будьте любезны, – с достоинством пригласил Панкрат Лукич и, погладив домотканую дорожку, застилавшую скамейку, показал, куда я могу сесть. – Это ещё моя жена покойница ткала.

Ветеран оказался словоохотлив. Рассказывал интересно и красочно. Я едва успевал записывать. Всю беседу меня не оставляла мысль о фотографии, которой размахивал старик, подкрепляя свои слова, и которую по началу я принял за листок бумаги.

– Что это за фотография у вас в руках, – наконец не выдержал я.

– То моя боевая подруга, – с гордостью произнёс Панкрат Лукич и долгим взглядом посмотрел на изображение, а потом постучал фотографией по груди и сказал: – Это её орден! – и задумался.

Я старался не мешать, терпеливо ожидая, когда же старик похвалится своей боевой подругой. С большим интересом разглядывал лицо собеседника. Неожиданно он оживился, словно что-то вспомнив, и повернул ко мне фотокарточку. Не стану скрывать – я пристальнее всмотрелся в глаза старика: всё ли у того с головой в порядке? Со снимка на меня смотрела безобразного вида пучеглазая собака.

– Это моя Жучка, – с гордостью сказал он, оставляя меня на время в недоумении.

– На фронте я был кинологом, – начал Панкрат Лукич, удовлетворившись произведённым эффектом. – Со всей страны к нам свозили собак. В основном овчарок, но и другие породы попадались. Мы их дрессировали под танки мины подкладывать. Такой приказ был, – пояснил рассказчик, словно оправдываясь. – наших солдатиков берегли. А нам какво? Только к очередному собаке привыкнешь, а тут на смерть его посылать. Каждая радуется перед заданием: скулит, скачет, рвётся исполнить всё, что прикажет инструктор, а не догадывается бестолковое животное – на смерть идёт. Мы же их как тренировали? Надевали пояс на грудь, и собака должен под танк подползти и замереть. Для дрессировки использовали подбитый «тигр», были и самоходки, но в основном «тигры». Выполнила задание – получай лакомство: колбасу или сахар. На боевое задание отправляешь пса, а сам места себе не находишь: он же думает – всё это игрушки: выполнит, что приказано, и прибежит за лакомством, – старик тяжело вздохнул, чтобы перевести дыхание. Было видно – и спустя годы ему тяжело об этом вспоминать.

– Как-то прибилась к нам дворняжка, – продолжил он. – Чтобы коротко описать её, так скажу: когда Бог делал собак, то на ней решил отдохнуть. Коротконогая, пучеглазая, прикуса нет, тело длинное, уши в разные стороны. Тьфу, а не собака! Вот оно, творение божье, – и ветеран снова протянул мне фотографию. Убедившись, что я внимательнее рассмотрел и удостоверился в его словах, продолжил: – Я сразу смекнул: сука. Наши кобели уши наострили и рвутся вроде как в драку, но вижу: настрой у них не забиячный. Думаю, нам ещё прибудной суки не хватало в подразделении, своих о двух ногах мало, – глядя на меня с прищуром, старик хитро заулыбался. – В общем, прижилась она у нас. Стали подкармливать. Собаки наши были на полном армейском довольствии, – важно подняв палец, уточнил Панкрат Ильич. – Нам могли урезать, а собакам полный пансион: и мясо, и каша, и погулять, – старик покачал головой, словно соглашаясь с командованием, и продолжил: – Прозвали мы её Жучка. Жила сама по себе, но каждый раз вместе со всеми выходила на плац. Как-то с моим помощником заметили: наша Жучка всё повторяет за кобелями. Те ползут, и она ползёт. Те подбегают надевать нагрудник, и она подходит и так в сторонке стоит рядом, навряде как, чтобы заметили и ей надели, а потом вместе со всеми кобелями ползёт под танк. Только наши кобели ползут под сам танк, а ей места нет, так она приноровилась и подползает сбоку, ложится у гусеницы и замирает. Делает всё как положено по науке дрессировщицкой. Морду кладёт на лапы и даже глаза закрывает. Вроде как удовольствие получает.

Напарник мне и говорит: «Лукич, надень-ка на неё нагрудник, посмотрим, как выполнит задание». Как же на неё овчарочий нагрудник надеть, если наша Жучка любой овчарке по колено. Решили мы пошить для неё специальный нагрудник, по её убогому размеру. Подумали, пусть божья животино развлекается.

Никогда не забуду, сколько было визгу и лая, когда мы надели на нашу Жучку её личный нагрудник. Она скакала и лаяла так, что собаки во всех вольерах всполошились и подняли такой лай, что мы их насилу угомонили. Тут мой напарник снова пристаёт: Лукич, говорит, давай проверим, как справится с заданием Жучка. Недалеко от нашего подразделения, на опушке, стоял подбитый немецкий танк. Давай, говорит, отправим Регдая и Жучку: кто первый подложит мину, тот и победил. Регдай – это был наш самый лучший пёс из племенных немец-

ких овчарок. Команды выполнял безупречно. Мы его всё придерживали, не отправляли на задание. Жалко было, хороший собака. Потехи ради решили: пусть мужики позабавятся. Война кругом, радости какой мало. Снарядили наших воинов... – неожиданно рассказчик умолк и долго смотрел вдаль, словно желая заглянуть в прошлое. – Вот что важно: чтобы пробраться к тому танку, надо было речушку переплыть. Она в низинке протекала, мы туда за водой ходили. Для человека незначительная, по пояс, а для собаки – преграда. Думаю, утонет наша Жучка в этой самой речке. Нагрудник утянет на дно. Мы же всё решили сделать по-настоящему, как положено: по весу мины закрепили мешки с песком, – ветеран с любовью посмотрел на фотографию и воскликнул: – Ох ты, моя дорогая! В общем, дали команду. Собаки приготуились. Смотрю на Жучку, а она с меня своих выпученных глаз не сводит. Подумал, поняло животное, что на глупую смерть посылаем, сказать не может, бессловесная тварь, так корит взглядом. Отвернулся от стыда и крикнул: вперёд! Рванули с места наши собаки. Регдай голову пригнул, к земле прижался и рысью напрямик к танку. Жучка же, ушами по ветру размахивая, куда-то в сторону как дала стрекоча. В траве утонула, только след виден – так стремительно неслась. Летит пулей, но не к танку, а вбок. Всем подразделением потешаемся, а я про себя думаю: и слава богу, жива останется скотина. Регдай уже скрылся из виду, значит, спустился к речке, глядим, и Жучкин след простыл. Ребята наши выглядывают, на той стороне ищут Регдая, про Жучку даже не думают. Все болеют за лучшего кобеля. Мне за Жучку обидно стало, махнул рукой и отвернулся, чтобы не быть свидетелем её позора. И тут крик: Лукич, гляди, гляди! Смотрю, а на той стороне, с левого боку летит пулей к танку наша Жучка, а Регдая не видать. Это божье безобразие уже заползла под танк, а Регдай только появился, но с другого боку и тяжело так взбегаёт в горку. Холка клином вздымается. Он ещё издали заметил под танком Жучку, а та его встречает – хвостом виляет. Они обнюхались и сели ждать нас. Мы ничего не понимаем, как такое могло получиться? Все с мест сорвались и бросились бежать, но не к танку, а в сторону, куда рванула Жучка, – и какое было наше удивление, переросшее в восторг, когда для нас открылось – почему Жучка побежала туда. Там через речку лежало дерево. Пока Регдай переплывал речку и его относил течением, наша Жучка быстренько переправилась по дереву. Мужики стали подтрунивать над Регдаем, а он голову пригибает, стыдится, понимает, значит. Неделию спустя погиб Регдай. Подорвал «тигр» немецкий, – ветеран даже пилотку снял, отдавая честь. – Зато Жучка выглядела победительницей: голова высоко поднята, уши на ветру развеваются, губа верхняя вздёрнута, вроде улыбается.

– Много собак было? – поинтересовался я, пока ветеран собирался с мыслями.

– Много, – Панкрат Лукич снова покачал головой. – Когда война закончилась, я так обрадовался за наших собак. Мне говорят: за людей радуйся, а не за тварей земных. Как же?! Вот ты писатель, так и скажи: прав я или нет? Люди сами себе войну придумывают, а животные бессловесные, спасая человеческие жизни, гибнут. Думаешь, под танк кинуться не страшно? – старик замолчал, пристально изучая моё лицо, но мне нечего было ответить.

– Ещё был случай, – неожиданно ветеран приободрился. – Отправились мы в разведку. Посмотреть надо было на местности, где танки противника пойдут. Жучка за нами увязалась. Я её гоню обратно – она отбежит, а потом глядим: между кустов потихоньку крадёт следом. Что ты с ней ни делай, а малоуставная собака была. В общем, нервничаем: демаскирует нас собака. Тут ещё на нашу гибель дозор фашистский идёт. Откуда взялся, ума не приложим. Заблудился, что ли? Мы двое, с винтовками, налегке, а те до зубов вооружены и с автоматами. Ну, думаем, конец настал. Дворняга проклятая залает и нас выдаст. Залегли, я полный рот травой набил, чтобы от отчаяния не закричать, с жизнью прощаюсь. Жучку всем сердцем проклиная: из-за паскудной собачонки погибнем. Ругаю себя: зачем оставил на базе, надо было давно пристрелить, тем более по уставу не положено – боевых собак дезорганизует. В общем, чего только я не передумал. Вдруг в кустах возня и лай Жучки на всю округу. Немцы оживились, затворы автоматов передёргивают, затопотали, побежали, значит. Ну, думаю, всё,

обнаружили нас, конец пришёл. Прислушиваюсь, а топот отдаляется, и где-то поодаль короткими очередями из «шмайсеров» начали палить. Мы ноги в руки – и ходу. Несусь без оглядки, а слышу меж выстрелов, лай Жучки и гогот солдатни фашистской. Бегу, а сам думаю: хана собаке. Это же надо, тварь убогая, а спасла нам жизни. Получается, отвлекла врагов и за собой увела подалее от хозяев.

Возвращаемся к своим, я сам не свой, места не нахожу. Все с расспросами, что да как? Молчим, на душе муторно. Мне вдвойне: почём зря хулил собаку, а она вот какая геройская оказалась – ценой жизни своей нас спасла. Стыдно стало, хоть иди за вольеры и стреляйся.

Мне командир говорит: а мы, мол, думали вас обнаружили – Жучка сама в лагерь вернулась. Меня как ошпаренного подкинуло. Побежал, кричу: Жучка, Жучка – еле отыскал. Сидит себе за вольерами, спряталась, глаз долу, даже хвостом от радости не машет. Подхожу к родимой, слёзы на глазах: Жучка, Жучка, ты моя милая, дорогая собака! На колени падаю, обнимаю её, а про себя прощения прошу. Про себя, потому что вслух стыдно признаться, что собаку проклинал, а она вот, значит, какая оказалась, – Панкрат Лукич замолчал, задыхаясь от комка, подступившего к горлу. Я тоже не находил слов потрясённый откровенными признаниями. Не вспомню, долго ли так сидели, каждый думая о своём, но ветеран всё-таки продолжил:

– Однажды сам командующий фронтом приехал к нам. Долго в штабе совещались. Вызывают меня. Жучка бежит рядом. Она всегда со мной везде ходила. Привязалась. Я в штабе два часа пробыл, выхожу, а она сидит у двери, ровно на часах, и ждёт. Встала и поплелась следом, будто и не было двух часов. А приглашали новое задание поставить. Мол, так и так, надо партизан, в тех краях воевавших, выручить, ответственная задача перед вашими питомцами поставлена. Нужна собака, которая под машину какого-то важного немецкого генерала мину подложит. Зверь тот генерал, много партизан извёл и готовил новую операцию против них, – умолк ветеран и надолго задумался, поглаживая культю. Тяжело вздохнув, продолжил: – Мой командир говорит: только твоя Жучка сможет такую задачу выполнить. У меня сердце и остановилось. Я за это время прикипел душой к этому собачьему безобразию, души в ней не чаял, она как семья моя была – и тут на смерть. Много же собак хороших. Вон наш Рекс, был такой матёрый, если не получится мину подложить, так он зубами там, в машине, всех порвёт. Уговариваю командира, стараюсь переубедить, но тот ни в какую. Жучка идёт на задание – и всё тут, стоит на своём командир. Чуть под трибунал не угодил. Настал назначенный день. Снарядили мою родную. Всем подразделением прощаемся с ней. Она, бестолковая тварь, радуется, пялит свою пучеглазую морду, хвостом виляет, места себе не находит от радости, носится по всему двору. Думаю, дура ты, дура. Вечером пришли за нами провожатые – партизаны, и небольшим отрядом выдвинулись мы за линию фронта. Притаились в леску, в укромном месте, у большой деревни, – его нам партизаны заблаговременно приготовили – залегли и ждём – в бинокль за деревней наблюдаем. Туда, значит, должен генерал приехать. Над сельсоветом флаг немецкий развивается, штаб у них там. Немчура снуёт туда-сюда, по всему видно – ждут начальство. Подходит назначенный час, – немцы – люди пунктуальные – мы с Жучкой выдвигаемся к околице, и как только автомобиль с хромированной решёткой въезжает на площадь перед сельсоветом, даю команду Жучке: вперёд. Она, как пуля, влетела в густую траву и исчезла, только слышно, как шуршит её тело, удаляясь. Сам во все глаза гляжу: только бы успела! Понимаешь, взрыв – это сигнал к всеобщей атаке. Партизаны окружили деревню и ждут на изготовке. Автомобиль застыл, и никто не выходит. Думаю, может, нет там никакого генерала? Зря собака погибнет. А это они адъютанта ждали, который должен дверцу открыть. Не знаю, что на меня нашло, только вдруг меня подкинуло, мысль прострелила: погибну вместе с собакой и генерала с собой заберём. Не будет у меня спокойной жизни после её смерти. Через плетень прыгаю – и к машине. Немцы пока сообразили, а Жучка в это время нырь под машину, и взрыв. Помню только огонь, и меня как шибануло, и промелькнуло в голове: хоть на мгновение увидеть мёртвого генерала

и можно спокойно умереть, – ветеран снова прервал свой рассказ. От долгого разговора он стал уставать и нуждался в отдыхе. Передохнув продолжил:

– Очнулся я в госпитале. В глазах мутно, начинаю понимать – живой, но где я? В плену или на том свете? Взрыв когда прогремел, меня контузило и взрывной волной откинуло. Потом, когда всё закончилось, партизаны подобрали и в госпиталь переправили. Побили всех немцев, машину разворотило так, что никто не выжил. В глазах стало проясняться, смотрю, а передо мной сидит полковник. Не наш полковник, чужой, и смотрит так по-доброму, я даже сказал бы, весело. Как только я глаза открыл, он и закричал: «Сестра, очнулся!» Сестра прибежала, подушку мне выше приподняла, чтобы полковник мог со мной разговаривать. Тот и говорит, мол, спасибо вам, Панкрат Лукич, вот вам награда ваша, и кладёт мне на грудь коробочку с орденом Красной звезды. Вот с этим самым, – и ветеран постучал карточкой по ордену. – Я стал соображать – живой! Как такое могло случиться? Взрыв был мощный. Ведь я уже с жизнью попрощался, а тут госпиталь. Вспомнил про мою Жучку, и слёзы сами ручьями как потекут – значит, я выжил, а она погибла. Полковник давай меня утешать. Он думал, я от радости плачу, а я по Жучке слёзы лью. Он мне в руки коробочку с орденом подсовывает, а у меня руки не держат – соскальзывают с кровати. Тут мои глаза на лоб начинают вылазить. Полковник перепугался. Кричит снова: сестра, сестра, что-то с больным! А я поверить не могу, чудится мне или всё это сон: чей это шершавый язык лижет мою руку? Сестра вбегает в палату, и я слышу, она говорит: «Это его собака, товарищ полковник. Его как привезли, она от кровати не отходит. Мы её подкармливаем, пусть сидит. Она не мешает. Когда надо, выйдет тихонько и так же тихонько возвращается».

Это была моя Жучка. На всю жизнь осталось для меня загадкой, как Жучка уцелела. Я много раз с нашими мужиками-минёрами прикидывал, как такое могло случиться? По-видимому, нагрудник зацепился за что-то под машиной, и Жучка выскользнула из него. Машина не танк, низкая, вот по этой причине и случилась такая спасительная штука. Жучка же наша не дура, поняла, что освободилась от опасного груза и сквозняком в другую сторону пролетела.

– Что было потом с Жучкой? – я был покорён услышанной историей.

– А что с Жучкой может случиться после того, как взрыв её не взял?! Вместе со мной комиссовали. Беспородных не положено держать в питомнике. Только Жучка иной раз и породистому псу, а то и человеку по уму фору даст. После того взрыва мне ногу и оттяпали. Приехали домой. Да вон она, – мотнул головой старик. – Как и положено, сторожит дом.

Только теперь я разглядел массивный железный крест, который принял поначалу за столб-ограждение, чтобы автомашины не подъезжали близко к калитке. На кресте была сделана сваркой надпись: «Жучка».

Зюзька

Рассказ

Под навесом придворовых построек, выставив сгорбленную спину, стоял у верстака старик и что-то мастерил. Он то и дело задирал руки вверх и, подслеповато моргая, рассматривал это что-то в руках. Задранная на самый затылок кепка, казалось, вот-вот спадёт с его небольшой головы. Чтобы разогнуться и поднять голову, ему приходилось слегка подсаживаться в коленях, а, рассмотрев, он снова склонялся, выпрямляя ноги. То, с чем упорно бился старик, не поддавалось, но он возился, напрягая руки и поднадавливая сгорбленной спиной. За этим занятием и застала его соседка, пятидесятилетняя баба со слегка погрузневшей фигурой, двумя тугими короткими косами и подкрашенными бровями. Она бесцеремонно вошла во двор соседа, настезь распахнув калитку, и прокаркала:

– Зюзька! Совсем оглох. Люди к тебе пришли! – и ударила полотенцем по столбу навеса, со стрех которого тут же слетели голубиный помёт и перья, а с полотенца в разные стороны разлетелись крошки отрубей. – Кричат, кричат, оглох, что ли?

– Чего? – оборачиваясь на ор, переспросил старик. – Чего надо?

– Люди, говорю, к тебе пришли, – и уже незнакомцам, смиренно ожидавшим на улице, крикнула, потыкав за спину большим пальцем: – Проходите! Вот он, Зюзькин Лука Митрофанович. Он вам нужен. Как видите, ещё жив и здоров, – и, бросив через плечо ироничный взгляд на соседа, себе под нос буркнула: – Хмы, что с ним станется... такие долго живут.

Тихо переговариваясь, двое молодых людей прошли к навесу и остановились в нерешительности.

– Проходите, проходите, – подбодрила гостей женщина. – Говорите громче, а то он последнее время плохо стал слышать.

– Здравствуйте, – шагнув навстречу хозяину, громко произнёс паренек в очках и с двумя вихрами на лбу. – Вы Лука Митрофанович?

Старик выступил из-под навеса, успев прихватить за бок взбалмошную бабу, на что та игриво огрела Зюзьку по спине полотенцем.

– Старый, старый, а всё туда же, – и, лукаво пялясь на спину Зюзьки, тише добавила: – Что с таким станется?

Зюзька, довольный причитаниями бабы, браво взмахнув рукой, подошёл к незнакомцам и, внимательно всматриваясь в лица, неожиданно сказал:

– Во! Как корова лизнула, аж два раза, – его костлявые пальцы мягко легли на голову паренёка и потрепали вихры.

Ребята заулыбались. Вихрастый паренёк раскраснелся и попытался пригладить волосы, но ничего не получилось.

– У меня это с рождения, – сказал он и снова пригладил вихры.

– Вижу, – хитро прищурившись, прошептал Зюзька. Несмотря на возраст, он держался бодро и даже движения его были лихими.

– Лука Митрофанович, – начал вихрастый паренёк уже увереннее. – Мы из поисковой группы «Память». Принесли вам приглашение на церемонию захоронения останков воинов Великой Отечественной войны, которые погибли в ваших местах... – резво выпалив официальную часть приготовленной речи, вихрастый осёкся.

– Нам сказали, – продолжил его товарищ, – вы остались единственный ветеран в этих местах. Недалеко от заставы мы обнаружили братское захоронение. Среди останков и истлевших вещей нашли медальон... – на слове «медальон» паренёк запнулся, взглянув на напарника для уверенности, в ответ тот пригрозил кулаком. Паренёк продолжил, но уже сбиваясь на каждом слове и каждый раз вопрошающе глядя на товарища: – Вроде как бы... вы там были... похоронены... в военкомате сказали, жив... и вот... – паренёк снова запнулся, но, видя, что на Зюзьку сообщение не произвело впечатления, уже лихо продолжил: – Но хорошо, что вы живы, Лука Митрофанович!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.